

P2
K-62

НИКОЛАЙ КОЛМОГОРОВ

НА ЗЕМЛЕ
СВЕТО

НИКОЛАЙ КОЛМОГОРОВ

812828

Р2
К-62

-119908-
2
✓
X

СТИХИ

НА ЗЕМЛЕ
СВЕТО

Централизованная
библиотечная система
г. Березовский

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1977

Чтобы тебя, мой друг, настроить на мажор:
деревьев, птиц, сырого ветра, поля,
я покажу тебе весь наш заречный бор,
вдыхающий над пахотой раздолий.

Вот на дыбы вздымается река,
и ржанье лошадей с обрыва...
Все правда. И почти сошли снега,
и надо жить, но жить — неторопливо.

Уже в краю родимой стороны
блаженное настало время года.

Могучая струя голубизны
взломала горловину небосвода.

Вновь вспучился над берегами лед
такой прозрачный, что в его овале
свободно видно избы и народ,
столпившийся в заречной дали!..

Я в эту сутолоку издавна влюблен
за то, что я живу под этим небом.
И, друг, давай по родине пройдем
и попрощаемся с последним снегом!

1974

Оттаял двор. Кусты зашелушились.
Над крышами бушуют облака.
Легко дышать. В округе появились
крикливые скворцы. В тени лежат снега.
Уходят ввысь воздушные потоки,
бумажный змей, прозрачный пар дорог.
И ребятня на первом солнцепеке
сумбурно выражает свой восторг!

Из-под большой трясущейся ладони
пытливо смотрит старый человек.

Он прожил жизнь, он многое в ней понял
и крепко полюбил ее навек.

Но думает порой: откуда родом
весь этот мир, куда его пути
с последним исчезающим сугробом,
с последней табачинкою в горсти?..

1974

Весна. Запах талой коры
и рыжих деревьев качанье.
Опять городские дворы
отмыли свои очертанья.
Опять заводскую трубу
за облаком чистят от сажи.
И в полдень исчезнут в бору
лыжни и тропинки однажды.
Весною, весною живой —
на воздух, на воздух скорее!
Большие фрамуги раскрой
и двери балкона смелее.

Там хлопает громко белье
и гроздь рубах пузырятся.
Пусть оторопь душу берет —
свободы не надо пугаться.
Ведь в гулкой долине двора,
на улицах — толпы народа
шумят и пьянеют с утра
от синей реки кислорода.

1975

О, как столпились над речкой
юные облака!
И боязливые вешние рощи
затоплены по колено.
И вырастает беззвучно
охапка тепла над ними.
И детской свистульке скворец
там подражает!

А на пустынном еще огороде
старик с лопатой в руках

распряился,
чтобы передохнуть...
Серебряный пот на его голове
блеснул.

1970

-119908-

Воспоминания о детстве

Воробьиное утро у нас на дворе!
Это время с постелей вставать детворе.
Быстрый воздух июля в квартиру натек.
Я шагнул за порог.

Сразу вспомнилось детство:
вот в теплой долине реки
громко подал буксир басовые гудки.
На пригорке, омытом течением вод,—
городок в тополях и старинный завод.

Палисадник, наш дом. В нем любимая мать
начинает на кухне на стол собирать.

Централизованная
библиотечная система
г. Березовский

Вижу через окно: как всегда, как всегда
мама рядом с отцом и еще молода...

Вот по улицам движется утренний люд
и часы полвосьмого на кухоньке бьют.
Мать целует отца, подает небольшой узелок,
где бутылъ с молоком, соль, румяного хлеба кусок...

В огороде на листьях капустных роса.
За калиткою смолкли давно голоса.
Что вверху там?
Ах, это же заново взгляд узнает:
в небесах неуклюжий такой тарахтит самолет.
Сам не знаю зачем, прибегаю я к маме опять,
прижимаюсь горячим лицом и хочу ее крепче обнять...

Мама, время с постелей вставать детворе!
Воробьиное утро у нас на дворе.

1973

Когда пальцы мои загрустят по любимой,
как по теплому свету
незрячий тоскует... еще и еще,
где увижу я образ, где облик увижу родимый
и кому поцелуями неловко осыплю плечо?
Чьи стыдливые груди округлевшей ладонью
в боровой землянике, затрепетав, найду?
Лебединую шею чью
с улыбкою вспомню,
когда дикие лебеди закричат на далеком пруду?
Кого возьму на свои большие колени?
Чью сладостную родинку нежно увлажню языком?

И слезы осушу, и соберу печальные тени
на любимом лице, о котором скучаю тайком?
Так что мне уши мои, брань или выстрелы знавшие,
или тишину в пещерном моем кулаке?
Так что мне глаза мои, уже оживлять уставшие
мертвые слова, которые не помогут в тоске?
И что мне ноги мои, если не доведут к далекой
прохладе

возлюбленного родника ее чистоты?
И что мне руки мои, если эти тяжелые пряди
не прольются в горстях откровеньем ночной темноты?
Это ее, желанную, из грозовой зарницы я вылепил,
полевые рвал васильки, лесные колокольчики мял,
из корзины куста голубого жимолость высыпал,
отцветающие купавы, сгребая к губам, целовал.
Алые маки в горах окликал ее именем,
приносил ей папоротник, ландыши и кипрей,
листьями лопуха укрывал, умывал утренним инеем,
от вечернего ливня прятал в одежде своей,
Это ей... воробьи моего нетерпения,
разговора моего овсянки, малиновки и дрозды,
дятлы настойчивости, зимородки изумления
и все певчие птицы в водоворотах кипящей ливни!
О, какие такие болота наквакали эту разлуку?
Помню: осень входила в живую долину души —
и недоверия полоз узко скользнул под зеленую руку
любимой!.. И лес замолчал, словно остановились
часы...

1973

Здравствуй

Паром через Кию!..

Ревет ледяная стремнина под бортом.

Речное ущелье ревет.

Сквозняк. Тянет дымом прогорклым.

Затоплены печи в деревне.

Дымящийся берег навстречу идет.

Толпится народ на пароме, причала далекого ждет.

А солнце уходит меж гор. Вот оно незаметно пропало.

И воздух таежная длинная тень холодком напитала.

Я еду к тебе и волнуюсь, тебя увидав.

Я глубже вдыхаю вечерние сильные запахи трав.

Любимая, здравствуй!..

Пускай между нами разлуки не будет.

Пусть долго не тает осенняя нежность моя.
Какое хорошее слово придумали добрые люди:
Любимая, здравствуй!.. Ты слышишь, ты слышишь
меня?

1967

Лавина желтого жнивья,
и жатва — ее шумом вечным...
Так щедро Родина моя
меня поила бесконечьем!
И думал я: как светел труд,
хоть солона судьба земная!
Ржаной ковригой понесут
большое сердце урожая.
Последний колос. Вот и он
блеснет соломиной латунной,
на это поле небосклон
прольется тяжестью бесшумной...

И вновь под вечный отчий кров
вернусь почти забытым сыном.
И, знаю я — не хватит слов
сказать, как это все любимое!

1971

Р о д и н а

Смотри! Леса оцепенели.
В них замер летний гул.
В березы — в белые свирели
мороз дохнул.

Смотри! На родине светанье.
Преобразился путь.
Душа впитала суть скитаний
и постоянства суть.

1971

Родина

Туманная родина
с печалью небес на крутом берегу,
где желтые вздохи стогов
оставляют испарину в поле,
где серебристые козы бренчат бубенцами,
в траве пробираясь,—
туманная родина, любимая с детства!..

Это и крики ворон в прозрачном воздухе дня,
и сырость урочищ, где мы собирали бруснику,
и розовый снег,
перепаханный мощными корнями бора,

и холодный пролет пруда
с хрустальной чашею проруби,
и гомон детей на дворе деревянной школы...
Это и ты, и я,
и наши следы в краю заповедных сугробов.
И все, что есть на земле,
от которой — светло.

Красный забор и охра курчавых сосен,
дым тумана, вставший над поймой реки,
берег, оплывший, словно свеча,
и красный осколок солнца —
это все
великая сущность природы.

Я люблю природу!
Я люблю кричать в глубину леса,
прохладную, как туннель.
Крикнешь: «Ау!..» — лес возвратит «А-а-а!..»
Вот так и поделимся
человеческим словом.

1967

Стоят березы.

Воздух чист.
Далекий лыжник вглубь скользит
И неоглядный снег лежит.
И тонким холодом сквозит.

Там деревушек сонный посвист,
кнута над розвальнями охлест,
и солнца бледный-бледный просвет,
и бора ниточная прозелень...

Всем этим с детства дорожу.
К подножью холма прихожу
и на вершину восхожу,
и в душу родины гляжу.

1966

Чуть видимые, вкраплены в поля
кустарники с промерзшими ветвями.
И тополей прозрачных толчея
зимует в синеве над берегами.

Есть в воздухе морозных этих дней
любимое явление покоя.
Предчувствуя весну, грущу о ней
и думаю средь зимнего застоя
о том, что через несколько недель,
наступят дни, когда уходят льдины,
когда таежный нежный свиристель
комком огня срывается с рябины.

И в нашем обновленном городке
вдруг высыплет толпа веселым шумом
на лестницу, ведущую к реке
и к островам, пока еще угрюмым...

В воротах января стоит зима.
Товарищи разъехались, расстались.
Под снегом спит зеленая трава.
По ней мои глаза
изголодались.

1975

Яркий январь за порогом.
Вьются дымки деревень.
Необъяснимой тревогой
полон коротенький день.
Мимо соснового бора
зимней тропинкой пройду.
Скоро, наверное, скоро
я загадаю звезду.
Ту, на которой когда-то
будет душа моя жить.
Преображения дата,
как бы тебя отдалить!..

Вот и колодец у прясла,
словно в натеке стекла.
И на морозе так ясно
заиндевила ветла.
Залубенела округа.
Отяжелело ведро.
Дай-ка припомню я друга —
станет легко и светло.

1975

В деревне

Задумаюсь. И долго в окно смотрю.
Зимние горы сверкают за низким оконцем!
И снова себя на мысли ловлю
о том,
что все безысходно под солнцем...
Но проснется любимая жена моя
и скажу ей: «Доброе утро, рыжая воробьяха!»
И поцелую. И вся печаль бытия
куда-то улетучится тихо-тихо.
И домик наш бедный, который в сугробы врос,
вдруг покажется чем-то навек прекрасным!..
И выдумка эта растрогает почти до слез,
а небо будет глубоким и ясным.

1975

Я помню этот день, я помню этот случай:
Январь на склонах гор. Голубизну. Мороз.
Раздался небосклон. Был ясен свод могучий.
Откуда-то в мой дом он музыку занес.

Я вздрогнул у стола и дробь стекла услышал.
Как зимний водопад, сиял в окне сугроб.
За форточкой моей мальчонка шел на лыжах,
дыхание ему окутывало лоб...

Еще вчера буран, вчера тайга шумела
и ухала в горах! А нынче в тишине

пустынная душа отмякла и запела
о родине, о друге, о маме, о зиме...

И понял я, что жизнь
есть вечный возраст солнца,
его солнцеворот и радостная суть!..
И я хотел разбить ледовое оконце,
хотел его разбить, разбить когда-нибудь.

1972

Отчетливо, как никогда доныне,
увидю вновь январскую тайгу,
Сибирь мою и снегорей в полыни,
и лед ручья, мерцающий в логу,
домишки, спящие о трех больших дорогах,
невесть куда пробитых внутрь зимы,
ребят под пологом пространства белолобых
и их родителей в горячей дреме тьмы...
Как спят они, как разбросали руки!
Им снится лес, грибные вечера...
Но стужей окна скованы. И звуки
ночные
 не доходят со двора.

Прогнулись кровли. Из-под толщи снега
черты села отчетливо видны.
Колодцами созвездий меркнет небо,
вытягивая длинные дымы...

1973

Вот сверху тропинка протоптана вниз.
Кладбищенский ельник сверкает опушкой.
и голубизною пронизана высь...
Идут по дороге румяные люди.
Аукнул на шахте гудком паровоз!
И память моя ничего не забудет...
А солнце слепит до нечаянных слез!

1971

Как брызнули быстрые искры на стеклах!
Морозное утро звенит от щелчка!
И словно огромные всадники в седлах,
на юге безмолвно горят облака.
Мне видится край мой заснеженный, древний,
деревня, где тюкает гулко топор,
и — спящая сказочной мертвой царевной
речушка в стеклянном гробу...
Косогор,
который навис кривобокой избушкой...

Встанешь.
И только руки к воде
вытянешь, под гнутые струи,
как тихо-тихо, еще неведомо где,
за огородами осень подует.

И робким ветром
луну качнет
в заводи
остекленевшей речки.
И рано-рано,

до самого света, встает
дедушка,
и разжигает огонь в печке...

Ему теперь
оглядывать двор
через окно
серебряной замяти...
А я возьму
заиндевелый топор
и пойду за дровами —
по старой памяти.

1971

У т р е н н е е

Пели птицы...
В июльском тумане река пустовала —
ни всплеска.
Белой пристань
казалась в тумане,
как в белом — невеста.
В это утро,
когда все чудесное робко просилось
на холст, на бумагу,
кто-то умер:
хотели везти через реку беднягу.
Две старухи
у гроба высокого скорбно сидели.

И, как руки,
лежали поверх того гроба две ветки сирени.
С парой весел,
с глубокой морщиною на подбородке
перевозчик
пришел из тумана к причаленной лодке.
Оттолкнулся
и весла на место привычно приладил.
Бор проснулся,
и дробно застучал по дереву дятел.
Я ж подумал:
как можно покинуть навеки
этот юный
добрый берег, туманные реки!
Но в безмерном
протяжении времени все же
быть бессмертным —
наказание тяжкое, боже...

1967

С течением лет, как это ни печально,
стал привыкать и я к тропе утрат.
И вот однажды, может, не случайно
забрел в места, где близкие лежат.

В той глубине, где засыпает птица,
где тихо так, что боязно дышать,
где холм луны в деревьях шевелится,
вселенную... до дна не увидеть!

И вздрогнул я, и сердцем цепенея,
увидел так, как видеть мог один

струящийся под звезды Водолея
водоворот кладбищенских осин.

Рос влажный хаос зелени бездомной,
стволы столпотворенные вокруг.
И было столько в этом красоты огромной,
что изумился я, забыв испуг.

Те дни, когда мы близких провожали,
во времени переиначил я,
и новыми — прозревшими — глазами
пытался вникнуть в тайну бытия.

Наверно, в сущности, так и выходит:
когда душа переживает свой час,
не умирают люди, а уходят
и превращеньем удивляют нас.

1975

Средина лета!.. Ливень камыша
заголубел в медлительных озерах.
Как чья-то непонятная душа,
витают испарения в просторах.
И солонцы расплеснутой степи
солеными кристаллами таятся.
Вдали от солнцепека и тропы
чуть видно паутины серебрятся.
А в комнатах — прохлада погребов,
день движется спокойно и негромко.
А в бесконечных нивах — жар хлебов
согнулся тяжестью почти до горизонта.

1971

Осень. Дождь ли спросонок вздохнет
или небо курлыкнет где-то...
Или бешеный ветер в дугу согнет
над полями забытый луч света...
И опять я увижу теченье дней,
красоту всей земли просторной,
где усталые люди везут с полей
урожая жар рукотворный...
Я подумаю: это пора ветров!
Это время раздумий!.. Слышу —
вот из бездны больших вечеров
листопад осыпает крышу.

А когда в вышине огонь
догорает, понятный лишь глазу,
торопливо прячу лицо в ладонь —
не могу опомниться сразу...

1975

Снова ты в этом мире!
Мокрые вздохи деревьев,—
видно, совсем недавно теплый прошел дождь!
Птицы не гомонят, и на полях за деревней,
как буруны перекатов, журчит созревшая рожь.
А в небесах светло,
словно за облаками,
души недавно забытых взгрустнули едва-едва
о голубой земле, которую ты руками
ласково загребаешь, пока бормочет листва.
Снова ты в этом мире,
где паровозик строчит
шов поворота и — вверх кувыркается дым,

где оживает сад и под горой ворочает
яблоневые кусты, полные голубым...
Непобедима жизнь!

Бронза и мякоть плода!
Эти яблоки ешь, эти дожди пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: лей, мое небо, лей!..

1974

**Вверху, сквозь крону липы,
как в затмение,
звезда блеснет —**

так в полдень там темно!

**И глубины живое отраженье
заполнило огромное окно.**

**И кажется, что это вместо стекла —
колодец, а на дне его видна
свеча со стеариновым отеком, —
мир комнаты, в которой тишина.**

**И ворох мошкеры вокруг подножья
огня, умершего еще в начале дня.**

И за калиткой — морок бездорожья
с широкою столешницею пня.
И чувство бесконечного пространства
лишь чувству одиночества сродни.
Но никогда я целью не задамся
исследовать: бесцельны ли они?
Пусть все придет, пусть все нахлынет снова.
Я завещаю детям нынче спать
в густой тени ветвей белоголово,
где всех легко по родинкам узнать.

1976

Я снова нынче возвращаюсь
в тот лес, шуршащий сентябрем,
где с одиночеством встречаюсь,
еще не думая о нем.
Там тишиною заповедной
шагнет дорога наугад,
и гибкий клен, как всадник бледный,
слегка откинется назад.
Блеснет река, одна под кручей,
а там, за ней, еще простор,
где воздух мира обеззвучен
и голубеет прошва гор...

И вот с души спадет завеса!
Зашевелит вершиной тень.
Вся глушь рedeющего леса
открыта настeжь целый день.
Осинник. Лог. Мрак старых ямин.
Все это помню наизусть!
И теплой ящeркой под камень
шмыгнет изменчивая грусть.

1967

В час предпоследний, вспоминая о вас обо всех,
шел я один и рассыпал полузабытые строки.
А в грозовых тучах загромыхал чей-то смех,
да так,
что порскнули в ельник перепуганные сороки!
И чтобы сильно не загрустить оттого, что был,
но никогда после, наверное, уж не буду,
любимые человеческие слова я вслух говорил
и наклонялся в траву
к вечнозеленому ее люду.

И к летнему небу прозрачное лицо поднимал,
словно и оттуда кто-то сюда наклонялся,
нас, крошечных, разглядывал, называл
и именами нашими откликался...

1973

Я видел: отлетает первый лист
от желтой кроны, сумраком тяжелой.
И потянулись стаи мокрых птиц
в тылы грозы, где шум прошел веселый.
Растрепанные кудри облаков
пронизаны живучими лучами.
И запах просыхающих стогов
уходит вверх, как теплый дух печали.
Невдалеке пасется рыжий конь,
позванивая боталом, а в чаще
какого-то кустарника огонь
мерцает ягодой все чаще, чаще...

Я имена родных шептал тайком
в краю, где одиночеством томился.
А в вышине последний летний гром
слезами полудетскими умылся.

1971

Август, август намалевал
пятна теплых деревьев и вечер!
Мой степной деревянный вокзал
в этот час тишиною отмечен.
Сколько лет, сколько зим пролегло!
Сколько судеб чужих промелькнуло!
Время набок дома повело
и к земле стариков посогнуло.
Только так же текут облака
над большой каланчою со шпилем
и продутая будка ларька
пахнет старой афишей и пивом,

и каким-то забытым почти
девятнадцатым пыльным столетьем,
захолустьем полынной версты
и зеленым вагоном последним...

1971

Вот вечер незаметно длинной тенью
прополз среди деревьев. Вот закат
зажег вдали холмы, на них деревню,
край спелой нивы и колхозный сад.
Огонь все ниже. Солнце скользкой дужкой
с ведра блестит...

Река, и наяву
табун коней за гаснущей опушкой,
прищуриль губы, цедит синеву.

1971

В родных местах, где все мои пути,
просвечен мир, и долго дремлет стадо.
Сидит пастух и цедит луч в горсти...
Как зябок жест и как сильна прохлада!
Предчувствием зимы уже сквозит
сухая глушь исхоженного бора.
Сорвавшаяся шишка простучит...
И — пауза — в середине разговора.
И речь моя нечаянно замрет.
Я задержу дыханье на мгновенье...
Осенний час, глубокий свет высот,
но не унять в груди сердцебиенья!

1971

Редееет тень листвы. До дна ручей просвечен.
Последний летний день незримо скоротечен
над медленной водой, где удочкой рыбак
не может к сентябрю притронуться никак.
За косами ветвей прозрачен стук колес.
Как ноги табунов, бегут стволы берез!
По солнечным полям из детства я бегу
и с радостью тепла расстаться не могу.

1971

Время осени...

Первые утки
потянули пугливый косяк!
Дом за городом. Это не тут ли
жил и умер Борис Пастернак?
Еще помнят окрестные тени
бальзамины в тяжелой росе,
замирающий смех в отдаленье
и прогулки его за шоссе.
Еще помнят живого поэта
изумрудные свечи дождей!
В перепалках вчерашнего лета
еще слышатся крики стрижей.

Где же он, предводитель дубравы,
корабельного бора вожак?
Увядают могучие травы,
скрип сосны, словно поданный знак.
Шорох птицы, души изумленье —
Это он! Но не слышно шагов.
Он в лукошке несет, как виденье,
разноцветные саженцы слов.
И наощупь, теперь уж наощупь
озирает рукой пустыри,
где восходит раздвинувший рощу
ослепительный лемех зари!..

1973

Как всегда, глубокой осенью
чувствуется близкий снег
и изрыты желтой оспою
берега лесные рек.
Внутренним огнем насыщенный,
воздух отстоялся вглубь,
и на эхо стал отзывчивей
час, который сердцу люб.
Час, когда виднее издали
жизни пройденная часть,
острова, селенья, пристани,
где играл на плесах язь.

Или то, как ты, родимая,
как, родная, любишь ты
лето, еле различимое,
зимородка у воды.

1976

С ног до головы обдаст
первым снегом, первым снегом.
Ослепительным набегом
он вот-вот закроет нас,
фабрику невдалеке,
а еще подальше — город.
Незаметно и в леске
вырастает белый ворох.
Постаревший паровоз
кашляет на перегоне.
Машинист в железном доме.
Шум буксующих колес.

Алых-алых рук твоих
мокрое прикосновение...
Все на свете — повторенье:
Дай под мышки спрячу их.
Буду греть и говорить:
Ни к чему все наши ссоры,
Людям нужно вместе быть
и не заводить раздоры.

1975

Я вас вскормил, слова. Теперь идите.
Пусть вами лакомятся в ягодниках строк.
Созрейте костяникой. Утолите
лесною влагой всех, кто занемог.
Взгрустну о вас — вы осыпайтесь градом
в дремучую траву. А на исходе дня —
гуськом и босиком, и друг за дружкой рядом,
впотьмах и впопыхах, как ребятня —
ступайте невзначай вдоль чернотала,
черемух, озера и тех недавних дней,
когда пора большого рекостава
еще не начиналась среди полей.

Там землекопы отдыхают в роще
на кладбище осеннем у села,
где на ветру залубенели мощи
деревьев, облетевших не вчера...
Вы узнавайте светлые приметы
родной страны, далекой старины,
и песни те, что пели наши деды,
и время наше — вы его сыны.
И в час, когда в вечернюю остуду
войдет земли отчетливый овал,
всю небывальщину, все вымыслы забуду,
слегка вздохнув, родимые, по вам.

1975

Вновь стану вспоминать полузабытый
пейзаж далекой юности своей:
районный тихий город, перевитый
тугой мускулатурой тополей.
И лисий хвост над зарослью завода,
и два звонка трамвая на мосту,
и отблеск убывающего года
на оловянном крошечном пруду.
И снеговую стезжку синей стужи,
прошившую простор, где куст поник...
Родню и сверстников, и канувшие души
тех, от кого давным-давно отвык!

И образ матери, как скромный зимний свет,
в пределы памяти проникнет отовсюду.
И долго-долго отзвуки тех лет
тревожить мир воображенья будут.

1973

Присядем. Помолчим. Ненастная погода.
Стеклянный хруст дождя. Корякские хребты.
Набрякла синевой Чукотка возле входа
в дощатый домик наш у каменной гряды.
В бесчисленных ручьях, в бушующих речушках
как будто в половодье, вода вовсю бурлит.
Присядем. Помолчим, пока остынет в кружках
зеленый крепкий чай — а он и не спешит.
В окне поет капель, а нам с тобой на смену.
Да, север — он иной, совсем иной вблизи.
Здесь в тучах комарья мы бродим по колено
и не в какой-нибудь, а в золотой грязи!

На прииске идет обычная работа.
Кого здесь только нет — со всей страны народ!
Присядем. Помолчим. Ненастная погода.
Чукотка, я люблю твой гулкий небосвод.
Мне снятся каждый раз причудливые слитки,
весенний рев гусей и тундра, вся в цветах.
Здесь ирисы цветут и золотой улиткой
медлительное солнце сверкает на хребтах.
Идет полярный день без темноты и лени.
Не знаешь счет часам и не ведешь дневник.
Но вот мелькнет судьба подобьем длинной тени,
а там, глядишь — уже и человек возник.
Он явится не так, как суждено герою,
но как одна душа, как личность, что несет
и радость бытия, и страшный мрак с собою,
и все, чем оттолкнет, и все, чем привлечет.
И северной земли болотистые недра
сокровищами вечными щедры.
Поэтому, наверно, так же щедро,
Чукотка, воздаешь за все труды.

1970

Тютчев

Смеркалось... Позади была чужбина.
И сумерки сырые на полях
лепили облака. Торчала льдина,
оплывшая глазурью, в тальниках.
Запруда вздулась пузырем.

Рогожей
запахла Русь. Околица села
сном захолустья плавала...

Прохожий
посторонился прочь. Колокола
угрюмый ветер шелохнул за рощей.

И оборотни ветел под луной
мерцали серебром... И часом позже
остановилась лошадь у черты родной.
Возок пристал к обочине. Наружу
сутулый человек шагнул. Потом,
болезненно сощураясь, глянул в лужу
и, шляпу сняв, окинул оком
усталым взглядом...

Весь необозримый
с дозорною березой тальный лес
в проломе полночи привиделся былиной
под миротворной бездною небес.
И лунь летал. Спала вокруг природа.
Белел шлагбаум. Снова все кругом
опознано. Край русского народа —
о родина, уже ты за холмом!

Спокойной ночи! Вот весна стучалась.
Ты отпер дверь. Ты снова за порог.
Случайность — быть. И разное случалось.
Случилась грусть, но ты не одинок.
Ведь за ручьем, в неугомонной пуще,
припав к земле, ночуют облака,
а в небесах кочующие гуси
на родину летят издалека.
Они трубят! Их крик проникновенный
тревожит слух. Волнуется душа!
Незыблемый, могучий свод вселенной
мерцает влажно... Где-то не спеша

бредет сосед и чует близкий отдых,
и удивился вслух: уже весна!..
Взмахни рукой, вдохни глубокий воздух.
Какая ночь! Какая глубина!

1970

Когда из травы
понасмотришься досыта в летнее небо
на синий покой,
омывающий нашу планету вокруг,
увидишь ли птицу,
за птицей подолгу скользящую следом,
борьбу рукопашную туч...
И от их столкновения звук
дойдет до тебя,
проникая, наверно, до самого сердца,
и ты содрогнешься,
и слабая дрожь пробежит по цветам,

и, полная влажного света,
в лесу приоткроется дверца
с возвышенной точки,
откуда все зримо и ясно глазам...
Тогда ты поймешь,
что навеки нет счастья иного,
чем трудное это:
людей и родную природу любить,
что нет на земле
ничего благодарнее слова,
что доброе слово
до смерти нельзя позабыть.
И дело не в ней,—
не о смерти живучие мысли.
Нет счастья труднее,
чем радость общенья с людьми.
И сколько б ни жил,
будешь думать и думать о смысле
трагичного мира,
в котором так счастливы мы.

1976

СОДЕРЖАНИЕ

С. Куняев. Почва и судьба	5
«Чтобы тебя, мой друг, настроить на мажор...»	9
«Оттаял двор. Кусты зашелушились...»	11
«Весна. Запах талой коры...»	13
«О, как столпились над речкой...»	15
Воспоминания о детстве	17
«Когда пальцы мои загрустят по любимой...»	19
Здравствуй	21
«Лавина желтого жнивья...»	23
«Смотри! Леса оцепенели...»	25
Родина	26
«Красный забор и охра курчавых сосен...»	28
«Стоят березы. Воздух чист...»	29

«Чуть видимые, вкраплены в поля...»	31
«Яркий январь за порогом...»	33
В деревне	35
«Я помню этот день...»	36
«Отчетливо, как никогда доньне...»	38
«Как брызнули быстрые искры на стеклах!»	40
«Встанешь...»	42
Утреннее	44
«С теченьем лет, как это ни печально...»	46
«Средина лета!.. Ливень камыша...»	48
«Осень. Дождь ли спросонок вздохнет...»	49
«Снова ты в этом мире!»	51
«Вверху, сквозь крону липы...»	53
«Я снова нынче возвращаюсь...»	55
«В час предпоследний, вспоминая...»	57
«Я видел: отлетает первый лист...»	59
«Август, август намалевал...»	61
«Вот вечер незаметно длинной тенью...»	63
«В родных местах, где все мои пути...»	64
«Редее тень листвы...»	65
«Время осени...»	66
«Как всегда, глубокой осенью...»	68
«С ног до головы обдаст...»	70
«Я вас вскормил, слова. Теперь идите...»	72
«Вновь стану вспоминать полузабытый...»	74
«Присядем. Помолчим. Ненастная погода»	76
Тютчев	78
«Спокойной ночи!»	80
«Когда из травы...»	82

Николай Иванович Колмогоров

На земле — светло

Стихи

*

Редактор С. Ю. Куняев
Художник Н. И. Кофанов
Ведущий редактор Л. В. Глебова
Художественный редактор А. С. Ротовский
Технический редактор Г. В. Адова
Корректор В. Ф. Алагузова

Колмогоров Н. И.

К-62 «На земле светло». Художник Н. Кофанов. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, 1977.

88 с. 7000 экз. 16 коп.

«На земле светло». Так назвал поэт свою первую книгу. Имя книги выбрано удачно. Колмогоров любит свет, утро, весну, его молодое дарование жизнерадостно по своей природе, — так пишет о молодом кузбасском поэте Николае Колмогорове известный советский поэт Станислав Куняев, вводя читателей в мир поэта.

К $\frac{70402-24}{M 145 (03)}$ 22—77